

Научное открытие Саратова

12.01.2015 14:41 77 Евгений Трухачев

Профессор Лондонского университета: здесь больше возможностей заниматься исследованиями, чем в Европе

Уже год на базе Саратовского государственного университета реализуется новый интересный научный проект, о котором не раз писала «СОГ». В лабораториях СГУ изучают особые микроскопические объекты – полимерные капсулы. Технологии позволяют заключить в такие капсулы любое вещество (например, лекарство) и доставить его точно в то место организма, где оно требуется (например, раковые клетки). Ученые изучают, каким образом можно перемещать эти объекты в теле человека, разрушать их, высвобождая «начинку», и как за счет получаемого обратного сигнала диагностировать состояние здоровья человека. Корреспондент «СОГ» встретился с руководителем проекта, профессором Университета Королевы Марии (Лондон) **Глебом Сухоруковым**, и поговорил с ним о возвращении в Россию «мозгов» и о переменах в отечественной и мировой науке.

– Глеб Борисович, вы и раньше участвовали в конкурсах на получение российских грантов. Давно уже хотели вернуться и поработать на родине?

– Я никогда не считал себя оторванным от России. До этого у меня были небольшие проекты не только с Саратовским госуниверситетом, но и с Институтом биофизики клетки РАН в Пущине, с МГУ. В рамках такого взаимодействия ко мне в университет приезжали молодые ученые. Когда в 90-е годы я уехал, сотрудничество строилось исключительно на энтузиазме. Только в последние пять лет стали появляться реальные возможности для совместной научной работы. Не только я повернулся к России, но и Россия обратила внимание на своих ученых, ставших успешными на Западе.

В группу под руководством Сухорукова СГУ удалось привлечь ученых из других стран. Фото автора

– Госполитика сейчас направлена на привлечение известных российских ученых, работающих за рубежом. Раз вы сюда приехали, наверное, она начала действовать. Насколько условия у нас действительно привлекательны для ученых, которые когда-то уехали?

– Однозначно сказать нельзя. Пару недель назад я встречался с моими коллегами, русскоязычными учеными в Оксфорде. Те, кто уехал давно и пока мало работал с Россией, находят много поводов для критики. Я же всегда говорю: посмотрите, что было пять

лет назад – не было вообще ничего, никаких возможностей. Я могу со всей определенностью сказать, что сегодня при формировании министерских программ мнение российских ученых, построивших успешную карьеру на Западе, учитывается. Хотя, как и всегда, некоторые проблемы остаются нерешенными. К примеру, заказ реактивов. Сделать его на родине по-прежнему остается большой проблемой. Чтобы провести эксперимент, нужно планировать его чуть ли не за полгода.

– Поможет ли эта правительственная программа переломить тенденцию утечки мозгов?

– Судите сами: к нашей группе присоединились уже три человека, которые длительное время работают за рубежом. В университетах Германии оборудование уж точно не лучше, чем сейчас в Саратове. А возможностей тут больше. Это показывает, что мы на правильном пути. Важно, что это люди, которые не просто приехали на Запад познакомиться и посмотреть, а на равных работали с иностранными учеными. Однако дорога должна быть двухсторонняя: люди должны и уезжать, и приезжать, обогащаясь опытом.

– Вы возглавили похожий коллектив, работающий над той же проблемой, в Петербургском Политехническом университете, ранее создавали лабораторию в Сингапуре. Чем больше таких групп работает над одной темой, тем больше вероятность успеха?

– Это действительно так. Даже если я уезжаю, после моей работы остаются лаборатории, люди, которые самостоятельно продолжают исследования. Идет построение сети, в которой мы занимаемся близкими вещами, тема расширяется. Усиливается ощущение важности того, чем мы занимаемся. Все это, несомненно, влияет на успех.

– И ваш университет не требует от вас, чтобы вы сидели и занимались своими исследованиями только у них?

– Это веление времени, последних десяти лет. Появление новых коммуникаций привело к тому, что много активно работающих ученых не трудятся на одном месте. Часть своего времени они проводят в других университетах. Мы имеем право каждый седьмой год по согласованию с руководством поехать в другую страну и заниматься, чем хотим, с сохранением места и зарплаты. Это даже положено по контракту, для нашего научного обогащения. Но представляет проблему для руководства университетов. Сдерживающие меры в современном мире стали невозможными. Человек просто может перейти на постоянную позицию в другой университет, который предлагает более либеральные условия. Такая конкуренция между университетами и учеными является очень важным фактором. В России его пока недооценивают, хотя и здесь он начинает появляться. У нас в России часто бывает так, что человек окончил вуз, потом остался там работать и работает до пенсии. На Западе же люди постоянно перемещаются. Наверное, в этом плюс.

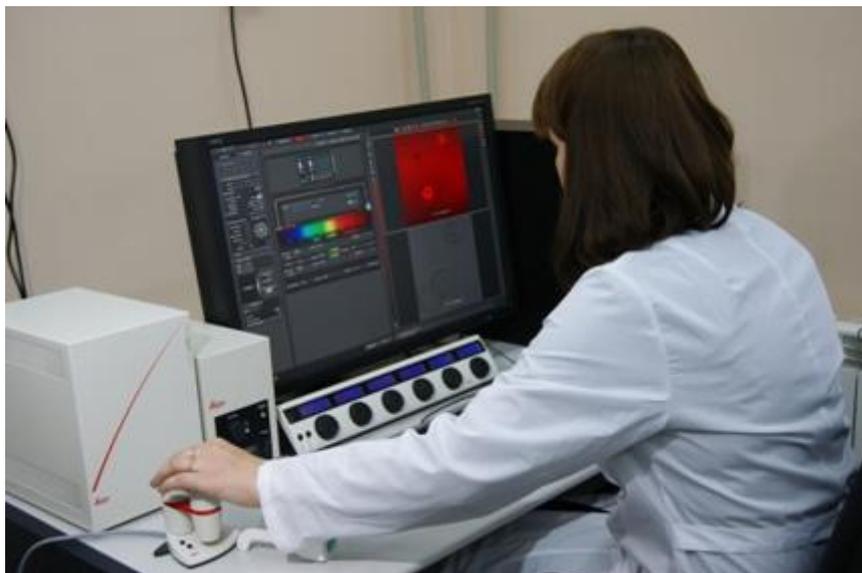
– Вы начинали свою научную карьеру в том числе в Институте кристаллографии РАН, Академия наук как раз представляет собой ту модель, когда человек всю жизнь работает на одном месте. Вы сознательно отказались от такого пути и предпочли мобильную, конкурентную Европу?

– Мне уже не хочется высказываться по поводу Академии наук, потому что, когда я говорю откровенно, потом меня спрашивают, что же это я такое наговорил. Да, я считаю, что в том виде, в каком она есть, за этой организацией нет будущего. Она абсолютно нединамична по своей структуре и по стимулированию людей к работе. Очень часто мне возражают: в 70-е годы у нас была хорошая наука. Но с тех пор мир изменился. Говорят, что проблемы РАН начались из-за уменьшения финансирования в 90-е годы. Но ведь это не так, проблемы у них начались еще в 80-е. Как мотивировать человека делать работу? Если она ему неинтересна, он будет до пенсии сидеть и ничего не делать.

– Вы раньше высказывали надежду, что Россия когда-нибудь попадет в число держав, которые двигают нанотехнологии вперед. Понятно, что о лидерстве говорить рано, но все-таки за последние 7–8 лет Россия хотя бы вошла в пул государств, которые «что-то там такое делают»?

– Думаю, да. По крайней мере, ситуация стала чуть лучше. Этому как раз способствуют новые правительственные программы, мегагранты, лаборатории, которые создаются при поддержке Российского научного фонда. Пока ситуация медленно сдвигается в лучшую сторону, хотелось бы, конечно, быстрее.

Беседовал Евгений Трухачев

Оборудование в лаборатории не хуже, чем в Германии

Глеб Сухоруков окончил физфак МГУ в 1991 году. Еще аспирантом завязал отношения с немецкими коллегами, в 1996-м начал часть времени работать в Германии. Позже перебрался туда совсем, стал руководителем группы, изучающей полиэлектролитные микрокапсулы, в Институте коллоидных систем и границ раздела фаз в Потсдаме. С 2006 года работает в Университете Королевы Марии в Лондоне. В 2011 году журнал «Форбс» включил Сухорукова в десятку самых известных российских ученых, работающих за рубежом.

Источник: <http://gazeta64.ru/novosti/2-nauka/2404-nauchnoe-otkrytie-saratova>